

**«ЖИВАЯ МУЗЫКА» В ПОВСЕДНЕВНО-КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**
**«LIVING MUSIC» IN THE EVERYDAY-COMMUNICATIVE SPACE
OF MODERN CULTURE**

Аннотация: В данной статье раскрывается коммуникативная природа функционирования «живой музыки». Представлены основные теоретические базисы определения коммуникации в гуманитарном знании.

Ключевые слова: живая музыка; коммуникация; культурологический анализ; теории коммуникативной функции в музыке.

Abstract: In this article, the communicative nature of the functioning of «live music» is revealed. The basic theoretical bases of definition of communication in humanitarian knowledge are presented.

Keywords: live music; communication; culturological analysis; theories of communicative function in music.

В настоящее время происходит глобальная трансформация индустриального общества в информационно-коммуникативное, проникновение коммуникации во все сферы жизнедеятельности человека, развитие информационно-коммуникативных технологий и способов взаимодействия, переход их в рутинно-повседневную практику использования.

В рамках нашего исследования понятие «живая музыка» мы определяем как сиюминутное заполнение пространства совокупностью воспроизводимых звуков или шумов, создающих определенную акустическую атмосферу, которая является конструктивным средством осуществления коммуникации внутри конкретного типа культуры.

Одним из значимых, на наш взгляд, концептов, определяющих понимание феномена «живой музыки», является коммуникативная природа ее функционирования. При анализе коммуникативной парадигмы как теоретико-методологического основания для нас видится важным и значимым выделение ключевых подходов и трактовок к пониманию термина «коммуникация» и сущностных характеристик коммуникативного процесса, а также процессов функционирования «живой музыки» в коммуникативном пространстве.

Одним из первых теоретическое осмысление коммуникации осуществил А. Тойнби, связав ее с политическими взаимодействиями, политическими союзами, участием в каком либо совместном деле [5]. Также большой вклад в развитие теории коммуникации внесли антропологи и психиатры, рассматривая коммуникацию как межличностный процесс приема и передачи информации,

процесс формирования некой общности, взаимопонимания между участниками, с обратной связью, которая генерирует смысл во всем этом процессе в целом.

Социальность коммуникации осмысливалась, исходя из коммуникативной практики, основанием которой служило то, что любой субъект коммуникативного процесса является отправителем и получателем сообщения не последовательно, а одновременно и этот процесс относится к разным временным рамкам также одновременно. Социолог Т. В. Науменко, изучая феномен массовой коммуникации, в своих трудах определяет понятие «коммуникации» в контексте символического взаимодействия как «... передачу информации, идей, оценок или эмоций от одного человека (или группы) к другому (или другим) главным образом посредством символов» [3].

Значение коммуникации в культурологическом истолковании видится в размещении символической и смысловой природы взаимодействия: «... передача информации (идей, образов, оценок, установок) от лица к лицу, от одной культурной единицы к другой; линия или канал, соединяющие участников обмена информацией» [4]. Последующий анализ работ и теоретических подходов выявил, что в разных случаях усиливаются отдельные компоненты коммуникативного процесса: целенаправленность передачи символов (М. Ю. Коваленко), упорядоченность знаковых сигналов (Б. Губман), единство эмоционального и интеллектуального содержания в сообщении (Ю. В. Таратухина), взаимодействие вербальных и невербальных каналов (Г. Г. Почепцов), актуализация массовых каналов коммуникации (Ф. И. Шарков) и другие.

На современном этапе развития в научной литературе обозначаются следующие типы коммуникации: внутриличностная (личностная), межличностная, внутригрупповая, межгрупповая, межкультурная, массовая; литературная, театральная, фольклорная, культурологическая, математическая, конфликтологическая и другие.

В теории массовой коммуникации исследователи выделяют две ключевых модели: трансмиссионную и символическую. Первая – концентрирует внимание на эффективности способов донесения информации от коммуникатора (источника информации) к реципиенту (получателю информации). При этом происходящие в последующем процессы, связанные с декодированием информации, принятием и переработкой ее в сознании воспринимающего, не столь важны и не имеют определяющего значения для эффективной коммуникации. Символическая модель коммуникации строится на прямо противоположных основаниях, а именно – на активной включенности и определяющем значении аудитории – процессах расшифровки полученных сигналов, а также их активной переработке, включенности реципиентов в практики восприятия как сотворчества. Именно поэтому, в своем исследовании мы будем опираться на символические модели коммуникации, рассматривая их в качестве ключевого основания функционирования «живой музыки».

В рамках анализируемой нами темы особое значение имеет теория коммуникативной функции в музыке, получившая развитие в работах Т. А. Мазеля, Е. В. Назайкинского, В. В. Медушевского и других. По мнению Л. А. Мазеля, музыкальная коммуникация оперирует разной информацией (слуховой, зрительной, кодовой, символической, знаковой и т. д.). Главным информационным

материалом является «... система выразительных средств музыкального языка, воздействующая на разные этажи и уровни психики слушателя» [2]. Благодаря такой коммуникативной системе реализуются многочисленные функции, присущие как музыкальному сочинению, так и всем участникам музыкально-художественного процесса. Реализация осуществляется по различным направлениям, что обеспечивает множественность и концентрированность воздействия на общественное музыкальное сознание и внутренний духовный мир отдельной музыкальной личности.

Таким образом, «живая музыка» как один из видов коммуникации выражается в потребности каждого из людей воспринимать окружающий мир и фиксировать этот процесс в интонационной форме. В музыкальном процессе через музыкальный язык осуществляется создание и передача содержания произведения, художественных идей.

На наш взгляд, именно в природе музыкального взаимодействия заложен особый коммуникативный ресурс, обеспечивающий устойчивость процесса общения автора, исполнителя и слушателя, при котором все участники взаимодействия выступают действенными субъектами коммуникативного процесса: «Жизнь музыкального произведения – в его исполнении, то есть раскрытии его смысла через интонирование для слушателей, а далее – в его повторных воспроизведениях слушателями – для себя, и это в том случае, если произведение вызвало к себе внимание, если взволновало, если „высказало“ что-то желанное, нужное данному кругу слушателей» [1].

Статья подготовлена в рамках исследования по программе грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

Библиографический список

1. Асафьев, Б. Музыкальная форма как процесс / Б. Асафьев. – 2е изд. – Л. : Музыка, 1971. – Кн. 1, 2. – 376 с.
2. Мазель, Л. А. Вопросы анализа музыки. Опыт сближения теоретического музыкознания и эстетики / Л. А. Мазель. – М. : Сов. композитор, 1978. – 348 с.
3. Науменко, Т. В. Социология массовых коммуникаций в структуре социологического знания / Т. В. Науменко. – М. : Социс, 2003. – 39 с.
4. Российский государственный интернет-университет. Культурологический словарь. – <http://i-u.ru>.
5. Тойнби, А. Постигание истории / А. Тойнби. – М. : Айрис-Пресс, 1991. – 360 с.